

Изображеніе душевно-больныхъ въ творчествахъ Гоголя.

И изображалъ ли Гоголь душевно-больныхъ? На это можетъ быть одинъ отвѣтъ: Гоголь, въ этомъ отношеніи, не отличается отъ другихъ писателей—Сервантеса, Пушкина, Шекспира и иныхъ. Всѣ эти писатели, не исключая Сервантеса съ его Донъ-Кихотомъ и Шекспира съ его типами Гамлета, Лира, Офеліи, изображали гораздо болѣе условія, среди которыхъ и благодаря которымъ развивается душевная болѣзнь, чѣмъ самую болѣзнь, изображали скорѣе предвѣстники болѣзни, нежели ея полное развитіе и ея законченныя формы. Тоже можно сказать и о Гоголѣ. Еслибы великій художникъ давалъ спеціальныя этюды изъ жизни и психологіи душевно-больныхъ, его произведенія имѣли бы, вѣроятно, меньшую цѣнность. Гоголь обращается къ читателю вообще, а не къ узкому кругу специалистовъ. И Гоголь и писатели вообще изображаютъ жизнь въ широкомъ значеніи этого слова.

Жизнь душевно-больныхъ можетъ тѣмъ съ большимъ правомъ сдѣлаться матеріаломъ и объектомъ художественнаго

произведения, что эта жизнь близко соприкасается съ жизнью здоровыхъ людей. Этотъ фактъ былъ извѣстенъ медицинскимъ авторамъ классической древности, а въ началѣ минувшаго столѣтія онъ выраженъ знаменитымъ французскимъ психіатромъ въ слѣдующей научно-точной формулѣ: *Que de meditations pour le philosophe qui, se derobant au tumulte du monde, parcourt une maison d'aliénés! Il y retrouve les mêmes infortunes: c'est le même monde; mais dans une semblable maison les traits sont plus forts, les nuances plus marquées, les couleurs plus vives, les effets plus heurtés, parceque l'homme s'y montre dans toute sa nudité, parcequ'il ne dissimule pas sa pensée, parce qu'il ne cache pas ses défauts, parce qu'il ne prête point à ses passions le charme qui seduit, ni à ses vices les apparences qui trompent* *).

Такимъ образомъ, печальный міръ душевно-больныхъ можетъ быть доступенъ пониманію художника, наравнѣ съ міромъ здоровыхъ людей. Художники и писатели, случайно посѣщающіе домъ умалишенныхъ, поражаютъ специалиста-психіатра своей проникающей въ пониманіи и оцѣнкѣ душевнаго состоянія больного. Гоголь стоялъ на высотѣ такого пониманія. Въ отношеніи Гоголя высказывались даже въ печати предположенія, что онъ потому понималъ душевно-больныхъ, что самъ носилъ въ себѣ зачатокъ душевной болѣзни. Оставляя здѣсь безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, страдалъ ли Гоголь душевной болѣзью, мы ограничиваемся краткимъ замѣчаніемъ, что и безъ этого условія Гоголь, подобно всякому художнику, могъ изображать душевно-больныхъ при помощи своего творческаго чутья и таланта.

Безспорный типъ душевно-больного представленъ Гоголемъ въ „Запискахъ Сумасшедшаго“; почти болѣзненный экстаатическій

*) Esquirol, Des maladies mentales, Paris 1831 pagl.

идеализмъ нарисованъ въ фигурѣ Пискарева, который по тонкому выраженію художника „спалъ на яву и бодрствовалъ во снѣ“; въ фигурѣ Акакія Акакіевича представлены минимальныя умственные способности, какія долженъ имѣть человѣкъ, чтобы не быть слабоумнымъ. Нѣкоторые (Юрьевскій проф. В. Ф. Чижевскій) видятъ изображеніе помѣшаннаго и въ фигурѣ Плюшкина. Останемся на этихъ фактахъ.

Въ образѣ Плюшкина мы не усматриваемъ душевной болѣзни. Хотя Гоголь надѣляетъ своего героя однимъ признакомъ дегенерации—нижне-челюстнымъ прогнатизмомъ (подбородокъ у Плюшкина выступалъ очень далеко впередъ), но въ остальномъ „его лицо не представляло ничего особеннаго“. Но этотъ единственный физическій признакъ дегенерации стоялъ въ соотношеніи съ нѣкоторой природной односторонностью характера—преобладаніемъ ума надъ чувствомъ [„слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ его лица, но въ глазахъ былъ видѣнъ умъ“]. Таковы природныя задатки у Плюшкина. Неблагопріятныя, душу очерствляющія событія жизни (смерть жены, отъѣздъ изъ дому дочери, расточительность сына, смерть второй дочери, полное нравственное одиночество) содѣйствовали дальнѣйшему развитію той односторонности характера, которая существовала отъ природы и выражалась дѣятельнымъ практическимъ умомъ при слабыхъ чувствахъ. Развился такимъ образомъ типическій порокъ человѣческой натуры: жадность и скряжничество. Но и на высотѣ окончательнаго развитія своей порочной души Плюшкинъ, въ изображеніи Гоголя, остался нравственно пошлымъ и гадкимъ, но здоровымъ человекомъ, судя потому что не утратилъ вниманія („глазки бѣгали, не потухнули“), имущество свое онъ не позволялъ расхищать, какъ это случилось бы у слабоумнаго; его богатства гнили на мѣстѣ, но онъ не выпускалъ ихъ изъ своихъ жадныхъ рукъ и не сталъ равнодушенъ къ основному стремленію своей жизни—наживѣ,

какъ сталъ бы слабоумный, утрачивающій интересъ къ своимъ собственнымъ идеямъ бреда и стремленіямъ. Словомъ, это—ничтожность, мелочность, гадость, какъ справедливо говоритъ намъ художникъ, но не душевная болѣзнь, какъ думаетъ профессоръ Чижъ.

Въ замѣчательномъ произведеніи „Записки Сумасшедшаго“ Гоголь представилъ въ гротескахъ, въ рѣзкихъ формахъ всѣ главнѣйшіе недостатки и тайные пороки чувства, ума, воли и стремленій, свойственныхъ одинаково и душевно-больному и здоровому человѣку: великій художникъ своимъ несравненнымъ талантомъ иллюстрировалъ тѣ многосодержательныя хотя и краткія слова великаго психіатра, которыя нами приведены выше.

Въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголь показалъ намъ, прежде всего, мечтательный умъ, приводящій человѣка къ идеямъ величія, тайно лелѣемымъ въ глубинѣ души. Мелкій чиновникъ Поприщинъ начинаетъ думать объ особенномъ къ себѣ вниманіи начальника, начинаетъ мечтать о томъ, что „если бы и дочка“... За этимъ, ассоціаціи идутъ у него по наклонной плоскости мечтательнаго ума: онъ замѣчаетъ благосклонность начальника, видитъ его дочь, пытается слѣдить за нею, мечтаетъ о ея благосклонности. На этомъ пути все фантастическое представляется ему благосклоннымъ, все реальное враждебнымъ—это естественный логическій антитезъ какъ больного, такъ и здороваго ума. Оттого начальникъ отдѣленія кажется ему враждебнымъ, завидующимъ. Далѣе, желанія ведутъ Поприщина въ кабинетъ его превосходительства, въ гостинную, на половину ея превосходительства и затѣмъ, по поводу сильныхъ инстинктовъ, больной Поприщинъ погружается въ міръ галлюцинацій, соотвѣтствующихъ его душевному настроенію. Отсюда одинъ шагъ къ испанскому трону.

Какимъ бы нелѣпымъ ни представлялось намъ мышленіе помѣшаннаго, но оно плоть отъ плоти и кость отъ костей мышленія здороваго человѣка. За исключеніемъ, быть можетъ, только людей реально-строгихъ и дисциплинированныхъ, обыкновенный человѣ-

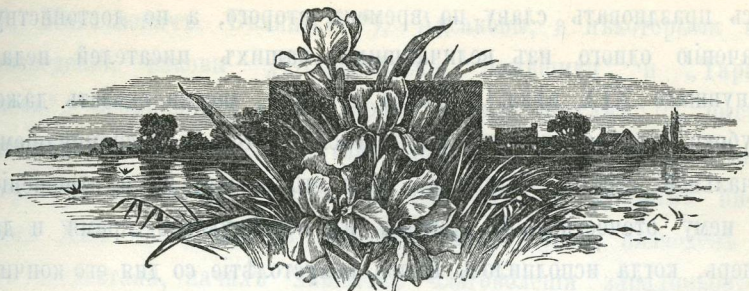
чeskій умъ и обычная людская мечтательность въ глубинѣ души, вдали отъ людскаго ока, любятъ рисовать себѣ блистательныя перспективы, награждаютъ себя удивленіемъ современниковъ, всеобщимъ успѣхомъ и т. п. Собственная личность для большинства людей является такимъ же источникомъ преувеличеній и субъективныхъ переоцѣнокъ какъ и у душевно-больного. Гербертъ Спенсеръ не безъ основанія говоритъ, что совершенная правдивость принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ добродѣтелямъ. Даже люди, считающіе себя безусловно правдивыми, ежедневно грѣшатъ по отношенію къ оцѣнкѣ самихъ себя разными преувеличеніями и недомолвками. Преувеличеніе есть качество почти универсальное (Основанія Этики, § 156).

Въ „Запискахъ Сумасшедшаго“ Гоголемъ изображена одна изъ тѣхъ формъ помѣшательства, для которыхъ спутанность мыслей является однимъ изъ существенныхъ признаковъ. Но этотъ мыслительный порокъ свойственъ и здоровому уму. Тотъ упрекъ, который Поприщину сдѣланъ начальникомъ отдѣленія: „Что это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой“, можно съ полнымъ правомъ сдѣлать многимъ и многимъ, если бы этихъ многихъ мы узрѣли въ домашней интимности ихъ мысли. На людяхъ у каждаго человѣка воля напрягается, мысль пріосанивается, и человѣкъ въ это время становится выше своей обычной мечтательности и спутанности. Эту общечеловѣческую слабость художникъ изображаетъ намъ на примѣрѣ помѣшаннаго, заставляя насъ глядѣть въ зеркало обнаженной человѣческой души. Въ художественной формѣ Гоголь показываетъ намъ то самое, о чемъ научнымъ языкомъ говоритъ Эскироль и о чемъ въ философскомъ афоризмѣ напоминаетъ намъ Спенсеръ.

„Записки Сумасшедшаго“ оканчиваются сценой которая производитъ на многихъ непримиримо-двойственное впечатлѣніе. Эта сцена изображаетъ въ художественно-трогательныхъ чертахъ

предсмертное проясненіе сознанія у помѣшаннаго: несчастному больному, вполнѣ понимающему свои страданія и освободившемуся отъ болѣзненныхъ грезъ, видится родной домъ съ его обстановкой, съ сидящей у окна матерью, къ которой умирающій страдалецъ обращается съ мольбою о помощи... Но вдругъ сознаніе обрывается, и несчастный—снова въ бреду, „а знаете ли, говоритъ онъ, что у алжирскаго бея подъ самымъ носомъ шишка“. Этимъ внезапнымъ оборотомъ, этимъ возвращеніемъ безумнаго бреда и сознательности горестная участь Поприщина рисуется для читателя въ сугубо-трагическомъ видѣ! Хотѣлось бы читателю, чтобы несчастный, на минуту страхнувшій съ себя безуміе, умеръ *человѣкомъ*, но онъ умираетъ *безумцемъ*. Это событіе невольно напоминаетъ намъ трагическій фактъ отреченія отъ Христа христіанскихъ мучениковъ въ самый моментъ мученической смерти. Церковь признавала такихъ мучениковъ святыми, потому что отреченіе ихъ совпадало съ моментомъ и съ процессомъ самой смерти: Христіанская церковь справедливо признавала, что они „претерпѣли до конца“.

И. Сикорскій.

Значеніє мысли и творчества Гоголя *).

Великій завѣтъ Гёте:

Образъ достойныхъ свято храни!

не вполне соблюденъ родною страной въ отношеніи къ Гоголю.

Потому не съ чувствомъ свѣтлой, ничѣмъ не смущаемой радости при видѣ всенароднаго чествованія памяти великаго національнаго поэта, какъ было три года назадъ, въ „Пушкинскіе дни“, а съ немалою грустью—должно въ томъ сознаться—дове-

* Рѣчь, предназначавшаяся для произнесенія при (несостоявшемся) торжественномъ чествованіи памяти Гоголя въ Университетѣ св. Владиміра и составляющая вступленіе къ болѣе подробному разсмотрѣнію произведеній и идей Гоголя. Напечатана здѣсь не въ полномъ видѣ, а въ значительномъ сокращеніи,—во избѣжаніе чрезмѣрнаго расширенія объема Гоголевскаго сборника. Полный текстъ будетъ напечатанъ впоследствии. Всѣ ссылки на сочиненія Гоголя сдѣланы по X-му изданію (Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. Текстъ сверенъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Т. I—V. М. 1889 г.; т. VI и VII подъ редакціею Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, М. и Спб. 1896), которое для краткости обозначается буквою С.; при ссылкахъ же на письма Гоголя, обозначаемыя буквою П, разумеется изданіе: „Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Въ четырехъ томахъ. С.-Петербургъ. Изданіе А. Ф. Маркса“ (1901).

лось праздновать славу по времени второго, а по достоинству и значенію одного изъ величайшихъ нашихъ писателей недавно минувшаго XIX вѣка ¹⁾). Такое грустное, можно сказать даже—глубоко скорбное чувство вызывается не только воспоминаніемъ о печальной судьбѣ Гоголя въ годы его жизни, но и отношеніемъ къ нему отечественной критики въ послѣдующее время и даже теперь, когда исполнилось цѣлое полустолѣтіе со дня его кончины.

Печальна была участь Пушкина при его жизни, трагична была его кончина, но еще тяжелѣе, несказанно тяжелѣе былъ удѣлъ Гоголя. Въ его жизни было немного свѣтлыхъ и радостныхъ моментовъ, преобладало же въ ней вѣчное стремленіе, сначала—за предѣлы родины, а потомъ въ иную завѣтную даль христіанскихъ стремленій ²⁾), „самоотверженіе“ ³⁾), „отчужденіе отъ міра и всѣхъ его выгодъ“, недовольство собой, даже самоубиеніе, холодность и вражда со стороны большей части критики и потому „испытанія и горе, наитягчайшія страданія“ ⁴⁾). Одною изъ главныхъ радостей и утѣшеній Гоголя была „любовь къ соотечественникамъ“, за которую онъ благодарилъ Бога, „какъ за лучшее благодѣяніе“ ⁵⁾). Привѣтствованный уже со второго шага въ литературѣ восторгомъ лучшихъ людей своей родины, такихъ личностей, какъ Жуковскій, Пушкинъ, кн. В. О. Одоев-

¹⁾ Величайшимъ русскимъ поэтомъ XIX вѣка признавали Гоголя Бѣлинскій и Чернышевскій. См. нашъ этюдъ: „А. С. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ“. Бѣлинскій, усматривавшій въ „Перепискѣ“ „проповѣдь невѣжества“, подъ конецъ сталъ думать, что, подобно другимъ гениямъ, въ своемъ творчествѣ „Гоголь дѣйствовалъ безсознательно“. А. Н. Пытинъ, Бѣлинскій и его жизнь и переписка, т. II, Спб. 1876, стр. 314 и 320.

²⁾ По словамъ Гоголя, „предъ христіаниномъ видится вѣчно даль и видится вѣчно подвигъ“.

³⁾ С., III, 460—461.

⁴⁾ „Завѣщаніе“.

⁵⁾ Тамъ же.

скій, Максимовичъ, Бѣлинскій ⁶⁾, Аксаковы, а нѣкоторыми изъ произведеній, каковы „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарасъ Бульба“, правившійся „совершенно всѣмъ вкусамъ“ ⁷⁾, быстро признанный за основателя и главу натуральной школы въ нашей литературѣ и слывшій одно время величайшимъ русскимъ писателемъ XIX вѣка, Гоголь довольно скоро былъ низведенъ съ этого пьедестала, началъ лишаться благоволенія западниковъ и мало по малу подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны своего прежняго горячаго почитателя — Бѣлинскаго и, съ другой стороны, не разъ оставался загадоченъ и для своихъ лучшихъ пріятелей — славянофиловъ. Послѣ изданія „Переписки съ друзьями“ „почти въ глаза автору стали говорить, что онъ сошелъ съ ума“ ⁸⁾. Онъ, непрерывно „томившійся и старавшій желаніемъ совершенства“, былъ сочтенъ пережившимъ себя, обманувшимъ возлагавшіяся на него великія надежды, и сошелъ въ могилу, сохранивъ немного друзей какъ въ литературныхъ, такъ и правительственныхъ кругахъ, недовольный собой и лишь взывая къ милосердію Бога, къ Которому уже много лѣтъ стремился всею душой и Котораго молилъ о ниспосланіи творческаго духа. Умеръ онъ, какъ христіанинъ-отшельникъ, истощивъ свои послѣднія силы молитвою и постомъ. Утрата великаго поэта даже не была

⁶⁾ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ 15 іюля 1847 года (Письмо В. Г. Бѣлинскаго къ Н. В. Гоголю съ предисловіемъ М. Драгоманова, Geneve. 1880), говоритъ, что „любилъ“ Гоголя „со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своею страной, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса“.

⁷⁾ Это—слова самого Гоголя въ письмѣ къ Жуковскому отъ 6 апрѣля 1837 г. См. въ ст. А. И. Кирпичникова въ Извѣстіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1900 г., т. V, кн. 4, стр. 1201—1202: „Сомнѣнія и противорѣчія въ біографіи Гоголя“.

⁸⁾ Исповѣдь.

„Чтенія въ Истор. Общ. Нестора-лѣтописца“, кн. XVI, вып. 1—3, отд. II. 28

помянута достодолжнымъ образомъ въ литературѣ въ ближайшее время ⁹⁾).

Послѣ смерти Гоголя на него продолжали взводить тяжкія обвиненія, раздававшіяся въ послѣдніе годы его жизни и отчетливо выраженные „неистовымъ Виссаріономъ“ Бѣлинскимъ. Гоголю ставили въ вину средневѣковое міросозерцаніе, неискренность и іезуитизмъ, низкопоклонство, либо осуждали его за высокомеріе и менторскій тонъ, эксплуатированіе друзей, родныхъ, даже матери и т. п. Другіе повторяли ходившія уже при жизни великаго писателя грубыя сплетни либо толки о его психическомъ разстройствѣ. Въ наши дни нѣкоторые психіатры подхватили ту же тему. Они оставляютъ безъ должнаго вниманія истинную сущность душевныхъ мукъ Гоголя: его страданія—прежде всего страданія возвышенной человѣческой и въ частности русской души, не удовлетворявшейся готовыми рѣшеніями величайшихъ проблемъ человѣческой вообще и въ частности своеобразной русской жизни (официальнымъ съ одной стороны и радикальнымъ съ другой) и силившейся найти собственный выходъ изъ мучительной „загадки жизни“; его скорби—горести человѣка, страстно и горячо стремившагося къ уясненію высочайшаго идеала жизни и творчества и изнемогавшаго въ представлявшейся ему невозможности вполнѣ подойти къ этому идеалу. Къ тому присоединились жестокіе нападки въ литературѣ, перепискѣ и при личныхъ встрѣчахъ. Въ этомъ корень недуговъ Гоголя, повер-

⁹⁾ По словамъ современника (кн. Д. Оболенскаго), „цензорамъ было объявлено приказаніе—строго цензуровать все, что пишется о Гоголѣ, и, повидимому, объявлено было совершенное запрещеніе говорить о Гоголѣ... Наконецъ, даже имя Гоголя опасались употреблять въ печати и взамѣнъ его употребляли выраженіе: „извѣстный писатель“ (Р. Старина 1873, кн. 12, стр. 949). Какъ извѣстно, въ 1852 г. Тургеневъ за напечатаніе сочувственной статьи о Гоголѣ былъ подвергнутъ аресту, а затѣмъ высланъ въ свое имѣніе, с. Спасское-Лутовиново „безъ права выѣзда“.

гавшихъ его въ напряженіе ¹⁰⁾ нервной системы и приведшихъ къ горькому и преждевременному концу. Правильно объяснилъ такую кончину Гоголя другъ его Хомяковъ, причислившій его и Иванова къ „могучимъ и богатымъ личностямъ, которыя болѣютъ не для себя, но въ которыхъ мы, Русскіе, мы всѣ, сдавленные тяжестью своего страшнаго историческаго развитія, выдавливаемъ себѣ выраженіе и сознаніе. Легко ли имъ? Какъ ни крѣпка ихъ природа, а все-таки она не долго выдерживаетъ свою внутреннюю работу“. Къ Гоголю примѣнимо также то, что сказалъ о себѣ французскій писатель Lamennais: „Mon âme est née avec une plaie“.

Большинство глядѣло и глядитъ на личность и дѣятельность Гоголя иначе. На ряду съ толками о душевной болѣзни Гоголя ¹¹⁾ продолжаются разговоры о „насильственности мистическихъ настроеній, которыя прививалъ къ себѣ Гоголь вопреки протестамъ своего здраваго смысла ¹²⁾“.

¹⁰⁾ Только о такомъ напряженіи, по временамъ обостравшемся до нѣкоторой расшатанности, и можно говорить, не нарушая справедливости и не выходя изъ предѣловъ научной осмотрительности. О томъ, что нервы Гоголя разстраивались, говорили и врачи и онъ самъ, какъ то видно изъ его переписки. Иногда у него находимъ выраженія въ родѣ слѣд.: „я былъ боленъ тогда душою“ (П., II, 78); но выставлѣть на основаніи такого временнаго напряженія нервовъ, моментовъ унынія и чрезмѣрнаго религіознаго усердія утвержденіе о психической болѣзни Гоголя значить заходить слишкомъ далеко. Черты того, что называютъ „религіозною манією“ и „мистическимъ самомнѣніемъ“, можно постоянно наблюдать въ Гоголѣ: напр., уже послѣ перваго возвращенія изъ-за границы Гоголь говорилъ о „невидимой рукѣ Всевышняго, его хранящей“; въ маѣ 1836 г. Гоголь писалъ: „всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе“ (П., I, 378). Онъ рано сталъ осуждать свои произведенія и уже въ августѣ 1838 г. жаловался на то, что работа надъ „Мертвыми Душами“ идетъ вяло.

¹¹⁾ По словамъ г. Шенрока, переписка Гоголя съ друзьями—„сочиненіе, порожденное, очевидно, болѣзненнымъ настроеніемъ и узкимъ взглядомъ на жизнь“. Починъ, М. 1895, стр. 108.

¹²⁾ *Old Gentleman*, Листки—Россія, 1901, № 948. Однако искренность, а не насильственность настроеній Гоголя и въ „Перепискѣ съ друзьями“ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Не перестаютъ повторяться увѣренія въ томъ, что этотъ писатель „искреннимъ, глубокимъ знатокомъ европейской мысли не могъ быть уже вслѣдствіе крайне скуднаго своего образованія, которое впослѣдствіи чрезвычайно туго пополнялось“¹³⁾; либо

¹³⁾ *Алексѣя Н. Веселовскаго* Западное вліяніе въ русской литературѣ, 2-е изд., М. 1896, стр. 210. Между тѣмъ Гоголь былъ человѣкомъ довольно разносторонняго образованія. Въ особенности хорошее знакомство его съ искусствомъ и въ частности съ литературой запада не подлежитъ сомнѣнію. Интересъ къ изящнымъ искусствамъ онъ развилъ въ себѣ еще въ Нѣжинѣ (см. *Николая М.* Опытъ біографіи Гоголя, стр. 14). Тамъ же онъ въ концѣ довольно хорошо ознакомился съ нѣмецкимъ языкомъ и читалъ въ оригиналѣ между прочимъ Шиллера (см. А. И. Кирпичникова *Сомнѣнія и противорѣчія въ біограф. Гоголя—Извѣстія отд. р. яз. и слов.* 1900, т. V, кн. 2, стр. 598—600), въ которомъ читилъ по преимуществу поэта идеализма (С. III, 129: „Чичиковъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости“), и этотъ поэтъ оказалъ, повидимому, значительное вліяніе на мысль Гоголя. Лучше, говорятъ, былъ знакомъ тогда Гоголь съ французскимъ языкомъ. Вообще Гоголь и тогда уже началъ усиленно стремиться пополнить пробѣлы своего образованія, какъ видно хотя бы изъ словъ письма его, относящагося къ концу 1827 г.: „Все это время я занимаюсь языками. *Успѣхъ въгнаетъ, слава Богу, мои начинанія.* Но это еще ничто въ сравненіи съ предполагаемымъ: въ остальные полгода я положилъ себѣ за непремѣнное — окончить совершенно изученіе трехъ языковъ. *На успѣхъ я не могу пожаловаться.* Отъ него и отъ своего *непоколебимаго намѣренія* я много надѣюсь“ (П. I, 95). См. еще письмо, относящееся приблизительно къ тому же времени и напечатанное В. А. Чаговцемъ въ Гоголевскомъ сборникѣ, изд. Ист. Общ. Нестора-лѣтописца, а также данныя объ успѣхахъ Гоголя въ Нѣжинѣ по языкамъ, сообщенныя въ Гоголевскомъ Сборникѣ, изд. подъ ред. М. Н. Сперанскаго, К. 1902, стр. 295 — 296, 302 и слѣд., 409 — 410. О чтеніи иностранныхъ авторовъ учениками Гимназіи высшихъ наукъ есть также интересныя свѣдѣнія въ дѣлѣ о „вольнодумствѣ“ Ландражина. Изъ числа восьми отнятыхъ у учениковъ тетрадокъ съ выписками изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ одна принадлежала Гоголю, а другая, содержащая извлеченіе изъ Руссо и Юма, пріятелю Гоголя, Высоцкому. Въ Петербургѣ Гоголь пополнилъ свое знакомство съ выдающимися произведеніями западно-европейскихъ литературъ: въ томъ можно вѣрить, между проч., „Запискамъ Смирновой“ (I, 138), потому что сообщаемыя послѣднюю свѣдѣнія подтверждаются изученіемъ сочиненій и писемъ Гоголя. Списокъ упоминаемыхъ имъ авторовъ, которыхъ онъ, надо думать, прочелъ, или изучилъ, весьма значителенъ. Есть также косвенные слѣды знакомства съ авторами, Гоголемъ

заявленія психологовъ, что „геніальность Гоголя находилась въ вопіющемъ противорѣчій съ важнѣйшими наисильнѣе выраженными сторонами его натуры и особенностями его ума.... онъ. *какъ умъ*, боялся мысли, отворачивался отъ свѣта, отъ радостей—познанія, былъ *лѣнивъ* — *учиться и совершенствоваться*,—его умъ, огромный, проницательный и тонкій, страдалъ какою-то странною неподвижностью и свѣтобоязнью... Съ однимъ только необыкновеннымъ художественнымъ дарованіемъ Гоголя его геній находился въ полной гармоніи“ ¹⁴⁾.

Теперь иные отрицаютъ даже первостепенное значеніе художественной дѣятельности Гоголя, какъ важнаго поворотнаго пункта въ исторіи русской литературы XIX вѣка, и за таковой принимаютъ дѣятельность Бѣлинскаго и его послѣдователей.

Конечно, въ Гоголѣ не мало такого, что роднитъ его съ предшествовавшими вѣками русскаго и западно-европейскаго прошле не называемыми, между проч., съ нѣкоторыми знаменитыми мыслителями. Въ ряду поэтовъ любимцами Гоголя были изъ иностранныхъ такіе корифеи какъ Гомеръ, Данте, Шекспиръ, съ которыми Гоголь не разставался въ дорогѣ, Мольеръ и т. д. Воздерживаемся здѣсь отъ перечисленія другихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о пытливости ума Гоголя, отрицаемой г. Овсяннико-Куликовскимъ и другими, и о широтѣ историческаго, историко-этнографическаго, историко-литературнаго и философскаго образованія этого писателя, которую надѣемся освѣтить въ послѣдующемъ изложеніи.

¹⁴⁾ Овсяннико-Куликовскій, Н. В. Гоголь—Вѣстникъ воспитанія 1902, № 12. Подобныя сужденія, рядомъ съ которыми надо поставить обвиненіе въ „пробѣлахъ соціальнаго образованія“ (Алферовъ) и т. п., должны были бы вызвать аналогичное отношеніе и къ Бальзаку, который, дѣйствительно возбуждаетъ въ иныхъ сомнѣніе въ силу своихъ соціальныхъ и политическихъ идей, какъ убѣжденный теоретикъ и защитникъ абсолютизма, мало сочувствовавшій принципамъ 1789 г. Бальзакъ тѣмъ не менѣе, подобно Гоголю, остается однимъ изъ основателей литературы, справедливо называемой новѣйшею, и къ нему также врядъ ли справедливо примѣнять предположеніе о лѣности, косности и свѣтобоязни его ума. Равнымъ образомъ Бѣлинскій замѣтилъ въ своемъ предпоследнемъ письмѣ о Жоржъ Зандѣ: „Посмотрите на Ж. Зандѣ въ тѣхъ ея романахъ, гдѣ рисуется она свой идеалъ общества: читая ихъ, думаешь читать переписку Гоголя“ (Пыпинъ, Бѣлинскій, II, 320).

лаго, но оцѣнка, упускающая изъ виду несомнѣнно чрезвычайное значеніе этого писателя для второй половины XIX в., столь же односторонняя, какъ и положенная въ основу этого сужденія о Гоголѣ критика его личности и міровоззрѣнія, представленная Бѣлинскимъ въ пресловутомъ письмѣ къ автору „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ 15 іюля 1847 г. Бѣлинскій одинъ изъ литературныхъ вождей и главъ крайней партіи, въ высшей степени страстный и раздражительный, не могъ отнестись съ должнымъ безпристрастіемъ и справедливостью къ человѣку, котораго считалъ главнымъ орудіемъ противоположной партіи, славянофильской¹⁵⁾. Бѣлинскій не замѣтилъ, что Гоголь выработавшій собственное мощное міровоззрѣніе, возвышался надъ обоими боровшимися лагерями, не примыкая вполне ни къ тому, ни къ другому, подобно Жуковскому и Пушкину, и что авторъ „Мертвыхъ душъ“ скорѣе продолжалъ нравственно-политическія воззрѣнія Пушкина 30-хъ годовъ, чѣмъ повторялъ идеи Московскихъ славянофиловъ и въ частности своихъ пріятелей, Шевырева и Погодина. Недаромъ Пушкинъ оставался для Гоголя величайшею святынею до конца его дней, и ореолъ этого великаго учителя и друга молодости Гоголя не померкъ въ его глазахъ и послѣ

¹⁵⁾ Приступая къ разсмотрѣнію и оцѣнкѣ отношенія Бѣлинскаго къ Гоголю съ 1847 г., необходимо имѣть въ виду, что говорилъ о себѣ самъ Бѣлинскій въ своихъ письмахъ, приведенныхъ въ статьѣ Н. Котляревскаго: „Нѣсколько отрывковъ изъ неизданной переписки Бѣлинскаго“ (По матеріаламъ, сообщеннымъ А. Н. Пыпинымъ—въ сборникѣ: „Помощь голодающимъ“, М. 1892). „Ты знаешь мою натуру, писалъ Бѣлинскій 8 сентября 1841 г.: она вѣчно въ крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью расстаюсь съ старою идеей, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всею фанатизмомъ прозелита. И такъ, я теперь въ новой крайности“.... Въ письмѣ Бѣлинскаго отъ 23 ноября 1842 г. читаемъ: „Лучшая сторона моя—чувство, сильное до изступленія и дикости, но безтолковое, чуждое всякой дѣйствительности“. Эти качества Бѣлинскаго на ряду съ благородствомъ его стремленій и выразились во всей своей красѣ въ знаменитомъ письмѣ къ Гоголю.

грозныхъ увѣщаній фанатическаго поборника аскетическаго идеала, о. Матвѣя.

Теперь уже не столь рѣзокъ, какъ во дни Гоголя, споръ, который вели западники и славянофилы, но въ сужденіяхъ о Гоголѣ, ставшемъ отчасти жертвою того спора и страстныхъ упрековъ Бѣлинскаго, отзывается иногда прежнее ожесточеніе, тѣмъ болѣе, что вѣковая распря все еще не пришла къ концу, и многіе готовы повторить слова автора „Соціально-педагогическихъ условій развитія русскаго народа“ (Щапова), что „спасенье“ русской „литературы“ заключалось „въ реально-критическомъ скептицизмѣ Бѣлинскаго“.

Столь близорукой и односторонней оказывалась въ большинствѣ случаевъ отечественная критика, занимавшаяся оцѣнкой личности и творчества автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“ преимущественно съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ общественныхъ идей и предрасположеній. Во дни Гоголя сначала „лицемѣрно-безчувственный современный судъ“ называлъ „ничтожными и низкими имъ лелѣянные созданья“, отводилъ „ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество“, придавалъ ему качества имъ же изображенныхъ „героевъ“ ¹⁶⁾. Потомъ стали преобладать неблагоприятныя оцѣнки личности и мысли Гоголя подъ вліяніемъ его „Переписки съ друзьями“. Лишь немногіе изъ русскихъ критиковъ подходили къ болѣе правильному уразумѣнію его значенія.

Впервые со всею отчетливостію начала выяснять это значеніе свѣдущая критика иностранная, обладавшая большимъ запасомъ данныхъ для сравненія и болѣе широкимъ кругозоромъ. Она поняла ¹⁷⁾, что заслуга Гоголя не ограничивается признан-

¹⁶⁾ С., III, 131.

¹⁷⁾ Отмѣтимъ прежде всего отзывъ въ 1845 г. Сентъ-Бѣва, перепечатанный въ *C.-A. Sainte Beuve, Premiers Lundis*, t. III, Par. 1879, p. 24—38, по поводу повѣстей переведенныхъ Л. Биардо. Краткую передачу этого отзыва см. въ ст. В. Г.: „Гоголь и иностранцы“—Новое Время

нымъ всѣми подвигомъ его въ дѣлѣ пробужденія русскаго общественнаго самосознанія и развитія интереса и любви къ правдивому воспроизведенію русской жизни, но гораздо шире: Гоголь долженъ занять почетное мѣсто и въ міровой литературѣ, какъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей высшаго художественнаго реализма и изображителей нравственной природы человѣка, отправлявшихся отъ тщательнаго наблюденія надъ этою природою и изученія даже мельчайшихъ ея изгибовъ въ связи съ характерами, нравами и наружностью и оставившихъ геніальныя изображенія человѣка. Въ силу того Гоголь явился однимъ изъ обновителей искусства въ XIX вѣкѣ, какъ въ XIV столѣтіи таковыми были Боккаччіо и Чаусеръ, а въ концѣ XVI-го и началѣ XVII-го Шекспиръ и Сервантесъ.

И дѣйствительно этому писателю принадлежитъ универсальное значеніе, превышающее ставшіе уже отчасти невозвратнымъ прошлымъ интересы и потребности времени и среды, для которыхъ ближайшимъ образомъ трудился Гоголь. Недаромъ онъ самъ подъ конецъ своей жизни раздвигалъ предѣлы своего творчества, „обративъ вниманіе на познаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ“¹⁸⁾.

Великое значеніе мысли Гоголя основано на томъ, что онъ принадлежитъ къ небольшой группѣ душъ, непрестанно

1902, № 9328). Въ концѣ своей статьи Сентъ-Бэвъ, не разъ сравнивавшій Гоголя съ западными писателями, между проч. съ Шекспиромъ, называетъ Гоголя „un homme de vrai talent, observateur sagace et inexorable de la nature humaine.“ Де-Вогюэ намѣтилъ ту точку зрѣнія, которую исправивъ развилъ теперь А. Н. Пыпинъ въ своей рѣчи: „Значеніе Гоголя въ созданіи современнаго международнаго положенія русской литературы“; см. также „Archiv f. slavische Philologie“, XXV Bd. (1903), zweites heft: A. N. Pypin, „Die Bedeutung Gogol's in der russischen Literatur“).

¹⁸⁾ „Исповѣдь“.

„алчущих“ и „жаждущих“ откровения истины ¹⁹⁾. Онъ уже съ ранней юности слѣдовалъ „вѣчно - немолкаемымъ желаніямъ души, которыя“, по его мнѣнію, „одинъ Богъ вдви-нулъ“ въ него, „претворивъ“ его „въ жажду, ненасытимую бездѣй-ственной разсѣянностью свѣта“ ²⁰⁾. Гоголя томила „жажда знать душу человѣка“, почерпнуть въ такомъ познаніи опредѣленіе добра, котораго алкала его душа ²¹⁾ и обрѣсти смыслъ человѣческой жизни этимъ путемъ, который въ самомъ дѣлѣ нужно при-знать однимъ изъ наиболѣе вѣрныхъ. То было начало исканій, замѣча-емыхъ у многихъ великихъ русскихъ поэтовъ (у Жуковского, Пуш-кина и у Лермонтова) и составившихъ отличительную черту послѣду-ющихъ выдающихся писателей русской земли XIX вѣка ²²⁾. Въ Гоголѣ этотъ процессъ совершался съ наибольшею яркостью и томи-тельностью. Гоголю эти страстные поиски „познанія души человѣка“ причиняли столько душевныхъ мукъ, что внимательно и безъ предвзя-тости изучающій его жизнь не можетъ не проникаться глубочайшимъ участіемъ на ряду съ леденящимъ душу ужасомъ передъ единствен-ными въ своемъ родѣ страданіями одной изъ возвышеннѣйшихъ душъ въ міровой литературѣ. Дологъ и труденъ былъ путь восхожде-нія этой души, и еще въ поздніе годы Гоголь писалъ: „еще строюсь

¹⁹⁾ Выраженіе „алчущія души“ примѣнено И. И. Ивановымъ въ статьѣ подъ этимъ названіемъ, помѣщенной въ „Русской мысли“ 1900 г. № 3, къ Паскалю, Руссо и Гоголю. Это „люди съ особенною психологіей и съ едва постижимой для другихъ чуткостью совѣсти“ „съ душой, самоотверженно и одиноко ищущей общечеловѣческаго блага, жаждущей высшихъ истинъ, будто хлѣба насущнаго, и раскры-вающей предъ нами возможную красоту и силу челоѣческой природы“.

²⁰⁾ П., I, 124. Ср. ib., 74: „Тайны сердца, жадныя (малороссизмъ вм. жаждущія) откровения“...

²¹⁾ П., II, 452: „за алканіе добра... вы умѣли простить мнѣ...“

²²⁾ Позитивизмъ отрицалъ значеніе этого самонаблюденія, но теперь насталъ поворотъ всюду, въ томъ числѣ и у насъ. Во вступи-тельной статьѣ редактора Перцова къ журналу „Новый Путь“ читаемъ:

„Писаревъ! Писаревъ! Если бы ты могъ все это видѣть, читать,

и создаюсь въ характерѣ“²³). Это построение въ себѣ новаго человѣка было уже близко къ концу, какъ вдругъ было прервано неумолимою смертию, въ виду которой, охваченный предсмертнымъ раздумьемъ, глубоко несчастный своею неудовлетворенностью, поэтъ предалъ огню свои послѣднія завѣтныя думы, выразившіяся въ заключительной редакціи „Мертвыхъ душъ“, какъ не разъ и до того уничтожалъ свои труды, казавшіеся ему не вполне достойными высокаго назначенія искусства.

Тѣмъ не менѣе, и лишившееся такъ своего завершенія творчество Гоголя сохраняетъ въ себѣ великую цѣнность. Его значеніе основано на искреннемъ, вполне художественномъ, крайне выпукломъ выраженіи того міросозерцанія, которому этотъ поэтъ оставался вѣренъ во всю свою жизнь, хотя, конечно, оно достигло полной зрѣлости не сразу.

Гоголь всю свою жизнь провелъ въ непрерывныхъ поискахъ, начиная уже съ „Ганца Кюхельгартена“; мысль его постоянно работала въ двухъ направленіяхъ—аналитическомъ и синтетическомъ. Безцвѣтность и пошлость окружающаго томили его душу уже съ лѣтъ пребыванія въ Нѣжинѣ, и онъ изображалъ эти качества наблюдаемой имъ жизни. Художественныя воспроизведенія послѣдней были преимущественно отрицательнымъ выраженіемъ того *положительнаго* процесса, который совершался во всю жизнь въ этомъ великомъ художникѣ неустаннаго стремленія „впередъ“ и „впередъ“, въ работѣ синтеза его мысли. Художникъ тѣмъ выше, чѣмъ между проч. выше и крѣпче его обобщающая мысль. Гоголь

—ты, убѣжденный, что всякій развратъ эстетики уничтоженъ тобою разъ навсегда!...

„Мы поняли, что осмѣянный отцами „мистицизмъ“ есть единственный путь къ твердому, свѣтлому пониманію міра, жизни, себя..

„Гоголь, Достоевскій, Владиміръ Соловьевъ—вотъ наша родословная...

²³) П., II, 398; III, 452: „никогда еще не сгоралъ я такимъ желаніемъ учиться“.

былъ поэтъ не только широкаго анализа, но и синтеза, въ свое время односторонне понятый, какъ то нерѣдко бываетъ; ему предстоитъ найти болѣе вѣрную оцѣнку лишь въ будущемъ.

Устойчивостью основъ своего міросозерцанія и творчества Гоголь отличается отъ Пушкина и Лермонтова и напоминаетъ своего старшаго сверстника и друга В. А. Жуковскаго, хотя въ противоположность послѣднему не всегда былъ свободенъ отъ нѣкоторыхъ колебаній въ своей вѣрѣ и „пришелъ ко Христу“ рационалистическимъ путемъ ²⁴). Сходясь съ Жуковскимъ въ религіозномъ оптимизмѣ, въ особомъ вниманіи къ высшимъ порываніямъ души и отчасти въ общественныхъ взглядахъ ²⁵), Гоголь иначе понималъ задачи поэзіи. По взгляду Жуковскаго преимущественное назначеніе послѣдней — воспѣваніе неземнаго міра и неземныхъ стремленій: „поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли“, говоритъ умирающій Камоэнсъ у Жуковскаго. Въ поэзіи Гоголя Богъ и міръ иной также иногда чувствуются, но — въ отдаленной перспективѣ; на первомъ же мѣстѣ, какъ предметъ изображенія, пребываетъ вполне реальный человѣкъ во всей своей цѣлостности. Изученіе душевнаго міра, какъ двигателяго начала всей внѣшней жизни этого человѣка, составляло постоянное средоточіе эстетическихъ идей Гоголя, стремившагося „покрѣпче всматриваться въ душу человѣка, зная что въ ней ключъ всего“. Какъ видно изъ этихъ словъ, психологизмъ у Гоголя тѣсно вязался съ реализмомъ его поэзіи ²⁶).

„Внутренно я не измѣнялся никогда въ главныхъ моихъ положеніяхъ“, писалъ Гоголь въ 1844 году. „Отъ ранн ей

²⁴) „Повѣркой разума повѣрилъ я то, что другіе понимаютъ ясною вѣрой и чему я вѣрилъ дотолѣ какъ-то темно и неясно“.

²⁵) Русскій строй казался Гоголю предпочтительнѣе существующаго въ западной Европѣ: первый „открываетъ властелину широкій кругъ его благотворныхъ дѣйствій“ (С., IV, 42).

²⁶) С., IV, 150. Ср. The modern langu. notes, 1902, № 5, рец. на книгу Pellissier, который и самъ говоритъ: „Le psychologisme n'est vraiment qu'une naturalisme de la vie mentale“.

юности моей у меня была одна дорога, по которой я иду“. Эта дорога—путь постоянного изученія людей и въ частности само-наблюденія съ цѣлью поднятія нравственнаго уровня человѣка и по возможности отрѣшенія его отъ „коры земности“, которая бросалась въ глаза Гоголю уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его творчества ²⁷⁾. „Страсть наблюдать за человѣкомъ“ была „питаема“ Гоголемъ „еще съизмала“. Онъ, по его словамъ „прежде, чѣмъ сдѣлался писатель, уже имѣлъ охоту къ наблюденію внутреннему надъ человѣкомъ и надъ душой человѣческой“ ²⁸⁾. „Любопытнаго много открываетъ дѣтскій любопытный взглядъ... Все, что носило на себѣ напечатлѣніе какой-нибудь замѣтной особености, все останавливало.... и поражало... ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманія“ ²⁹⁾. Юноша „уносился мысленно въ бѣдную жизнь“. Потомъ изученіе стало еще внимательнѣй: „мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ причинъ“ ³⁰⁾. Въ концѣ кругъ и методъ наблюденія расширились еще болѣе, и Гоголь такъ говоритъ объ этомъ: „человѣкъ и душа человѣка сдѣлались больше, чѣмъ когда-либо, предметомъ моихъ наблюденій. Я оставилъ на время все современное; я обратилъ вниманіе на знаніе тѣхъ вѣчныхъ законовъ, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще. Книги законодателей, душевидцевъ и наблюдателей за природой человѣка стали моимъ чтеніемъ. Все, гдѣ только выражалось познаніе

²⁷⁾ Письмо 1844 г. къ С. Т. Аксакову (П., II, 435). П., I, 75: „они задавили корой своей земности“...

²⁸⁾ С., IV, 280 - 281. „Отъ малыхъ лѣтъ была во мнѣ страсть замѣчать за человѣкомъ, ловить душу его въ малѣйшихъ чертахъ и движеніяхъ его, которыя пропускаются безъ вниманія людьми“.

²⁹⁾ С., III, 107.

³⁰⁾ С., III, 243.

людей и душа человѣка, отъ исповѣди свѣтскаго человѣка до исповѣди анахорета и пустынника, меня занимало“...³¹⁾.

Разумѣется, Гоголь не сразу оказался при этомъ „мужемъ, воспитаннымъ суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединенія,“ потому что уединялся въ міръ постепенно³²⁾. Но и „послѣ долгихъ лѣтъ и трудовъ, и опытовъ, и размышлений“ онъ „пришелъ къ тому, о чемъ помышлялъ во время дѣтства; что назначеніе человѣка—служить, и вся наша жизнь есть служба“³³⁾. Свою службу онъ уже въ юности ставилъ въ томъ, чтобы „разсѣвать благо и работать на пользу міра“³⁴⁾, потому что измлада, одушевляемый благородными чувствами, „ всю свою жизнь обрекъ благу“³⁵⁾. Въ теченіе всей своей жизни онъ былъ проникнутъ возвышеннымъ нравственнымъ настроеніемъ, и оно также являлось началомъ, объединявшимъ всѣ періоды его литературной дѣятельности наравнѣ съ трезвостію наблюденія, добрымъ смѣхомъ и „незримыми, невѣдомыми міру слезами“. Гоголь проливалъ эти слезы какъ въ тѣ годы, когда началъ достигать громкой славы, такъ и тогда, когда приготавливалъ къ изданію „переписку съ друзьями“, въ сильной степени подорвавшую эту славу. Уже въ первые годы своего творчества Гоголь начиналъ чувствовать трагизмъ жизни и ужасъ его; тайная грусть и тогда не покидала его; иногда онъ преодолевалъ ее³⁶⁾, но въ другіе

³¹⁾ С.

³²⁾ Правда, уже въ Нѣжинѣ Гоголь „уединялся совершенно отъ всѣхъ“ (П., I, 74), но это еще не было тѣмъ обособленіемъ, какое видимъ позднѣе.

³³⁾ С., III, 224.

³⁴⁾ П., I, 124.

³⁵⁾ П., I, 98: „всегда чувства благородныя наполняютъ меня, никогда не унижался я въ душѣ и всю жизнь свою обрекъ долгу“.

³⁶⁾ П., I, 340: „У насъ на душѣ столько грустнаго и заунывнаго, что если позволять всему этому выходить наружу, то это чортъ знаетъ что такое будетъ. Чѣмъ сильнѣе подходитъ къ сердцу старая печаль, тѣмъ шумнѣе должна быть веселость“.

моменты „не зная, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій“ ³⁷⁾.

Такимъ образомъ, Гоголь пребывалъ постоянно въренъ себѣ, и особаго перелома, усматриваемаго иными, въ немъ не произошло за исключеніемъ постепеннаго сосредоточенія въ религіозности подъ вліяніемъ раздумья, усиливавшагося съ годами, между проч.—о постигавшихъ его утратахъ друзей. Ростъ самой этой религіозности совершался вполне естественно изъ зерна, зароненнаго въ поэта отъ природы и уже въ юности развившагося до признанія водительства Божія, о которомъ позже онъ выразился такъ: „безъ Божьей воли ничего не дѣлается. А воля Божья разумна“ ³⁸⁾; тогда онъ призналъ, что Христосъ „всѣхъ найумнѣй“.

Уже въ первомъ своемъ печатномъ произведеніи, въ сожженной вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ (1829 г.) поэмѣ „Ганцъ Кюхельгартенъ“, Гоголь выказалъ основныя черты своего душевнаго склада, сейчасть нами обрисованнаго, — возвышенный идеализмъ, склонность къ самоанализу, неудовлетворенность обыденнымъ, будничнымъ существованіемъ и стремленіе выйти изъ его стѣсняющихъ предѣловъ, не отрѣшающееся однако отъ идеи служенія другимъ. Закончилъ Гоголь тѣмъ-же изученіемъ себя и также стремленіемъ вдаль, но не въ буквальномъ, а въ переносномъ, нравственномъ смыслѣ. Исколесивъ не разъ западъ и югъ Европы, посѣтивъ Палестину, въ которую такъ долго рвалась его душа, Гоголь пересталъ въ послѣдніе годы стремиться на чужбину, но въ сущности оставался тѣмъ же Ганцемъ, только поднявшимся на много и много ступеней выше надъ Чайльд-Гарольдовымъ порываніемъ вдаль. „Ни за что-бъ я не выѣхалъ изъ Москвы, которую такъ люблю“, писалъ Гоголь 15 сентября

³⁷⁾ П., I, 465: „Не зная, куда дѣваться отъ тоски, и напрасно искалъ развлеченій“.

³⁸⁾ П., III, 200.

1850 г. „Да и вообще Россія все мнѣ становится ближе и ближе; кромѣ свойства родины, есть въ ней что-то еще выше родины, точно какъ бы это та земля, откуда ближе къ родинѣ небесной“³⁹⁾.

Въ годы, протекшіе между этими двумя рубежами творческой дѣятельности Гоголя, онъ осуществлялъ программу, которая такъ изложена въ сейчасъ указанномъ письмѣ къ Стурдзѣ: „Много, много есть того, что позабыто, но не должно позабываться, что нужно выставить въ живыхъ, говорящихъ примѣрахъ, — словомъ много того, о чемъ нужно напомнить нынѣшнему современному человѣку, и что принимается умами многихъ только тогда, когда скажется въ высокому настроеніи поэтической силы“. Въдѣ „есть много тайнъ въ глубинѣ души человѣка, которыхъ еще не открылъ человѣкъ“⁴⁰⁾.

Въ этихъ словахъ находимъ краткое опредѣленіе задачи, въ выполненіи которой Гоголь справедливо усматривалъ возвышенный подвигъ. Онъ вполнѣ вѣрно понялъ одну изъ величайшихъ задачъ поэзіи — наблюденіе надъ человѣческой душой и воссозданіе ея различныхъ изъяновъ и лучшихъ сторонъ съ цѣлью воздѣйствія на людей и вспомошествованія осуществленію ими „высокаго назначенія человѣка“⁴¹⁾.

Въ такомъ изученіи и творческомъ воспроизведеніи души и вообще дѣйствительности Гоголь выказалъ въ себѣ истинную гениальность и великій талантъ художественнаго изображенія, что замѣтилъ и

³⁹⁾ П., IV, 352. Ранѣе, какъ вѣрно указалъ г. Шенрокъ, Гоголь приблизительно въ такомъ же смыслѣ выражался о Римѣ. См., между проч., строки о „красавицѣ Италіи“ 1837 г.: „Никто въ мірѣ ея не отниметь у меня. Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлещы, департаментъ, кафедрa, театръ—все это мнѣ снилось“ и т. д.

⁴⁰⁾ П., II, 215.

⁴¹⁾ П., I, 75 о Нѣжинскихъ обитателяхъ: „они задавили.. высокое назначеніе человѣка“.

провозгласилъ-было уже Бѣлинскій. Называли Гоголя гениемъ и другіе современники его, напр. Соллогубъ и Никитенко.

По мѣткому опредѣленію Шопенгауэра, геніальность ⁴²⁾— не что иное, какъ совершеннѣйшая объективность. Исходя изъ этого опредѣленія, устанавливаютъ, что геніальныя натуры познають явленія съ возможнымъ приближеніемъ къ ихъ дѣйствительной сущности, а люди ограниченныя узко истолковываютъ факты на свой ладъ и потому создаютъ себѣ превратное представленіе о мірѣ. Здоровый реализмъ, говоритъ Türk ⁴³⁾, разумнѣе, вникающее въ глубь, въ дѣйствительность и истину, въ сущность вещей, приводитъ къ истинному идеализму, къ постиженію идей великихъ, господствующихъ надъ всѣмъ сущимъ, которыя всѣ сводятся къ идеѣ высшаго, совершеннѣйшаго бытія. Всѣ эти черты генія а равно и тѣ, которыя были намѣчены уже Кантомъ, цѣлостность эстетической идеи, созданіе собственныхъ правилъ для искусства, а слѣдовательно и оригинальность ⁴⁴⁾, вполне усматриваются въ Гоголѣ и въ главной особенности его творчества. Онъ самъ такъ характеризуетъ это творчество и участіе мысли въ послѣднемъ: „Полное воплощеніе въ плоть, это полное округленіе характера совершалось у меня только тогда, когда я заберу въ умѣ своемъ весь этотъ прозаическій существенный дрязгъ жизни, когда, держа въ головѣ всѣ крупныя черты характера,

⁴²⁾ Вопросъ о геніальности въ послѣднее время вновь началъ привлекать вниманіе изслѣдователей. Изъ новѣйшихъ трудовъ надлежитъ отмѣтить книгу *O. Schlapp, Kants Lehre vom Genie*, Göttingen 1901, разъясняющую ученіе Канта, сохранившее цѣну и послѣ цѣлаго ряда новыхъ работъ по этому вопросу.

⁴³⁾ *H. Türk, Der geniale Mensch*, Fünfte Auflage, Berl. 1901.

⁴⁴⁾ По смыслу Кантова опредѣленія, геній заявляетъ себя цѣлостною эстетическою идеею, самъ даетъ правила искусству, а не подчиняется готовымъ, слѣдовательно оригиналенъ: Jean Paul Richter и Шиллеръ дополнили это опредѣленіе, выдвигая на видъ, что геній охватываетъ „цѣлое жизни“, проникнуть Total-идеей.

соберу въ тоже время все тряпье до малѣйшей булавки, словомъ когда соображу все отъ мала до велика, ничего не пропустивши“. Такъ было въ силу „способности больше выводить, чѣмъ выдумывать“. „Вслѣдствіе устройства головы моей, я могу работать только вслѣдствіе глубокихъ соображеній и обдумываній“⁴⁵⁾. По словамъ С. Т. Аксакова, которому не можемъ не довѣрять, „ясность и глубина взгляда и вѣрность суда даже въ предметахъ, мало ему извѣстныхъ, были отличительными качествами Гоголя“.

Въ сферѣ художественнаго творчества гениальность проявляетъ себя между прочимъ способностью своеобразно и вмѣстѣ ярко и рельефно объективировать характерныя явленія жизни. При этомъ велики только тѣ умы, въ которыхъ отражается міровое цѣлое, обогащая человѣческій духъ. Гениальные поэты выдвигаютъ на видъ и вводятъ въ общее сознаніе не только возвышенныя общечеловѣческія, веѣмъ присущія въ большей или меньшей степени стремленія, каковы, напр., воплощенныя въ Гамлетѣ, Фаустѣ, но и прямо противоположныя таковымъ, также свойственныя въ сильной степени человѣческой натурѣ,—то, что можно бы назвать возвышеннымъ въ обратномъ смыслѣ. Гоголь гениально выразилъ эту двойственность человѣческой природы, тѣ „двѣ души“, которыя находили въ ней величайшіе представители творчества, Сервантесъ, Шекспиръ и Гёте⁴⁶⁾. Гоголь былъ надѣленъ колоссальнымъ „талантомъ“ „изображать бѣдность нашей жизни“⁴⁷⁾, не обманываясь внѣшностію общества, хотя бы и самую блестящую, открывать во всемъ слабую сторону и социальныя язвы. Онъ изображалъ стремленіе къ господству и борьбу эгоизма, ограниченности и пошлости за преобладаніе въ человѣческомъ мірѣ, но также и невозможность для нихъ исполнѣ одолѣть лучшія побужденія.

⁴⁵⁾ П., II, 260.

⁴⁶⁾ О двухъ типахъ писателей говоритъ самъ Гоголь въ одномъ изъ лирическихъ отступленій въ „Мертвыхъ Душахъ“.

⁴⁷⁾ С., III, 279.

Обыденная дѣйствительность никогда и нигдѣ надолго не удовлетворяла Гоголя по выходѣ его изъ дѣтства и ранней юности, и онъ не мирился съ нею ⁴⁸⁾. Кажущееся согласіе съ нею въ „перепискѣ съ друзьями“ имѣетъ совсѣмъ иной смыслъ, болѣе глубокій, чѣмъ какой находятъ въ ней вслѣдъ за Бѣлинскимъ. Приглядѣвшись повнимательнѣй, нельзя не замѣтить, что это примиреніе было обманчиво и давало Гоголю лишь удобную форму для развитія морали, въ сущности возвышенной и благородной, хотя и не имѣвшей вида, моднаго въ XIX вѣкѣ. То была мораль культуры, основанной на духовномъ подъемѣ личности и *внутренно* отличной отъ той, которою гордился XIX-й вѣкъ въ Европѣ и Америкѣ и въ которой Гоголь сталъ разочаровываться уже со времени ближайшаго знакомства съ Петербургомъ ⁴⁹⁾, а затѣмъ и съ западною Европой. Обличеніемъ золь современной культуры и провозглашеніемъ новыхъ началъ возрожденія Гоголь вошелъ въ небольшую группу передовыхъ вождей человѣчества, какими явились въ XVIII в. Руссо и Шиллеръ, въ XIX-мъ Уордсвортъ и нѣкоторые другіе англійскіе писатели до Рескина включительно, а у насъ послѣ Гоголя гр. Л. Н. Толстой.

⁴⁸⁾ Кромѣ приведенныхъ выше выдержекъ можно бы подыскать не мало другихъ. См. напр., П., I, 396: „на Руси есть такая изрядная коллекція гадкихъ рождъ, что не въ терпежъ мнѣ пришлось глядѣть на нихъ. Даже теперь плевать хочется, когда объ нихъ вспомню“. См. еще П., II, 255-256: „вездѣ можетъ постигнуть тебя тяжелая, можетъ быть даже жестокая тоска“; 378: „Есть какая-то повсюдная нервически душевная тоска“.

⁴⁹⁾ Это разочарованіе сквозитъ уже начиная съ первыхъ писемъ изъ Петербурга; см., напр., П., I, 117: „Тишина необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащія да должностные, всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, все погрозло въ безцѣльныхъ, ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ бесплодно издерживается жизнь ихъ“... То же отрицательное отношеніе къ столицѣ находимъ и въ послѣднихъ письмахъ, писанныхъ, когда заканчивалось постоянное пребываніе Гоголя въ Петербургѣ: „грустно мнѣ это всеобщее невѣжество, движущее столицу... Прискорбна мнѣ эта невѣжественная раздражительность, признакъ глубокаго, упорнаго невѣжества, разлитаго на наши классы“ (П., I, 377).

Гоголь открылъ въ европейскихъ литературахъ XIX в. съ особою страстностью исканіе новыхъ путей къ возрожденію истинной человѣчности. „Вѣчное движеніе и блескъ“ „настоящей Европы“, заманчиво мелькавшіе вдали; „Парижъ, это вѣчное, волнующееся жерло, водометъ, мечущій искры новостей, просвѣщенія, модъ, изысканнаго вкуса и мелкихъ, но сильныхъ законовъ, отъ которыхъ не властны оторваться и сами порицатели ихъ; великая выставка всего, что производитъ мастерство, художество и всякій талантъ, скрытый въ невидныхъ углахъ Европы, трепеть и любимая мечта двадцатилѣтняго чловѣка, размѣтъ и ярмарка Европы! самое сердце Европы, гдѣ, идя, подымаешься выше, чувствуешь, что членъ великаго всемірнаго общества“! — „многое“ изъ всего этого, когда Гоголь приглядѣлся къ нему повнимательнѣе, показалось нашему поэту „не въ томъ видѣ, какъ было прежде“⁵⁰⁾. „Всѣ европейскія государства, замѣчаетъ онъ, теперь болѣютъ необыкновенной сложностью всякихъ законовъ и постановленій. Повсюду замѣтно одно замѣчательное явленіе, а именно: законы собственно гражданскіе выступили изъ предѣловъ и ворвались въ области, имъ не принадлежащія“⁵¹⁾. Какъ и князь его отрывка „Римъ“, Гоголь „во многомъ разочаровался... Онъ видѣлъ, какъ вся эта многосторонность и дѣятельность жизни Парижа исчезала безъ выводовъ и плодоносныхъ душевныхъ осадковъ. Въ движеніи вѣчнаго его кипѣнія и дѣятельности видѣлась теперь ему страшная недѣятельность, страшное царство словъ вмѣсто дѣлъ. Онъ видѣлъ, какъ всякій французъ, казалось, только работалъ въ одной разгоряченной головѣ; какъ это журнальное чтеніе огромныхъ листовъ поглощало весь день и не оставляло часа для жизни практической; какъ всякій французъ воспиты-

⁵⁰⁾ С. II, 134—139.⁵¹⁾ С., IV, 162.

вался этимъ страннымъ вихремъ книжной, типографски движущейся политики и, еще чуждый сословія, къ которому принадлежалъ, еще не узнавъ на дѣлѣ всѣхъ правъ и отношеній своихъ, уже приставалъ къ той или другой партіи, горячо и рѣзко принимая къ сердцу всѣ интересы, становясь свирѣпо противъ своихъ супротивниковъ, еще не зная въ глаза ни интересовъ своихъ, ни супротивниковъ... и слово *политика* опротивѣло, наконецъ... Въ движеніи торговли, ума, вездѣ, во всемъ видѣлъ онъ только напряженное усиліе и стремленіе къ новости. Одинъ силился передъ другимъ, во что бы то ни стало, взять верхъ хотя бы на одну минуту... Вездѣ почти дерзкая увѣренность и нигдѣ смиреннаго сознанія собственного невѣдѣнія... И показалась ему теперь низкою роскошь XIX столѣтія, мелкая ничтожная роскошь... нынѣшнія мелочныя убранства, ломаемая и выбрасываемая ежегодно безпокойною и странною модою, страннымъ, непостижимымъ порожденьемъ XIX вѣка, предъ которымъ безмолвно преклонились мудрецы, губительницей и разрушительницей всего, что колоссально, величественно, свято. При такихъ разсужденіяхъ невольно приходило ему на мысль: не отъ того ли сей равнодушный хладъ, обнимающій нынѣшній вѣкъ, торговый, низкій разсчетъ, ранняя притупленность еще не успѣвшихъ развиться и возникнуть чувствъ?... И увидѣлъ онъ теперь, какъ близорука была молодежь, и какъ близоруки бываютъ политики, упрекающіе народъ въ безпечности и лѣни“ ⁵²).

Мы слышимъ въ этихъ строкахъ приблизительно ту же скорбь объ утратѣ истиннаго величія, „спокойной торжественностью тишины“ ⁵³) и простоты новѣйшими культурами, какая вдохновляла ранѣе названныхъ нами великихъ обличителей внутренняго упадка новѣйшей культуры. Не заманчивый для юноши, въ

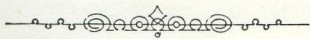
⁵²) С., II, 139—140, 147—148, 153.

⁵³) Тамъ же, 149.

существовъ же ложный „блескъ и шумъ“ ⁵⁴⁾ ея, но другія перспективы рисовались нашему поэту. Покидая въ 1835 г. надолго свое отечество, отправляясь „разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія „свои будущія творенья, Гоголь, глубоко огорченный „ожесточеніемъ“ противъ „Ревизора“, „любилъ между тѣмъ сильно свое отечество и своихъ же соотечественниковъ“ ⁵⁵⁾. Эта любовь все болѣе и болѣе зрѣла и крѣпла въ „чуждомъ далекъ“ на чужбинѣ и преображалась въ мечты о свѣтломъ будущемъ родины, дорогой сердцу поэта. „У! Какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль, Русь!“...

Стремясь всею душою постоянно „впередъ“, въ эту „чуждую даль“, великій поэтъ, со всею трезвостію, присущою ему, зналъ также и понималъ, какъ недостаточно быть лишь метафизикомъ, и удѣлялъ все должное вниманіе и печальной дѣйствительности.

Н. Дашкевичъ.

⁵⁴⁾ Тамъ же, 149.

⁵⁵⁾ П. I, 377—378.

